

К 77-й годовщине Победы над фашистской Германией

ВЫЖИЛИ ТОЛЬКО ТЕ, КТО МОЛИЛСЯ...

МОСТ

«Пришел я к Богу на войне,
при взрыве моста на горной речке...»

«Рассказывать о своем детстве не буду, скажу только, что в семье в Бога никто не верил. Только тогда, когда я уезжал летом на каникулы, тетя Нюра, сестра отца, учила меня молиться и читала Евангельские истории по какой-то растрепанной книжке; было интересно, но как-то проходило стороной. Она заставила меня выучить несколько молитв: “Отче наш”, “Взбранной Воеводе победительная” и какие-то еще, но мне запомнились только эти и еще “Господи, Иисусе

Христе Боже наш, не остави нас, грешных, Своей помощью”.

Дома сердились на тетю Нюру и даже выговаривали ей, но она сестру и меня все же крестила и была моей крестной матерью, а когда я бывал у нее, водила меня к священнику, о. Павлу, доброму и хорошему человеку. Мама и папа не знали, что мы были крещены.

В 1940 году взяли в армию, послали в танковое училище, кончить не успел – началась война. Направили в действующую армию, часть разбили; отступали, переформировывались, стал пехотинцем, артиллеристом и даже, на короткое время, связистом.

Отступали от Ростова, добрались до Кавказа, сперва бои шли в предгорьях; вошли в горы, часть нашу разбили, осталось человек 20 под командованием капитана, и стали мы самостийными партизанами; но вскоре соединились с местным партизанским отрядом и стали сильно досажать немцам на железных дорогах и шоссе. В боях участвовал многих, Бог хранил, и даже ни разу не был ранен, но о Боге не вспоминал.

Но написать должен об одном особенном событии.

На железной дороге, находившейся от отряда в 10 - 12 километрах, был мост над бурной горной речкой, который немцы тщательно охраняли. По обеим сторонам моста были построены небольшие казармы, где жила охрана. Днем и ночью по мосту ходили солдаты, а ночами опоры моста освещались прожекторами. Каждый проходящий состав тщательно обыскивали и гражданских лиц не возили.

Для командования этот мост было особенно важно уничтожить, так как он был частью основной транспортной магистрали, по которой снабжались немецкие войска.

Был получен приказ: во что бы то ни стало взорвать мост. Попробовал наш отряд подойти к мосту со стороны правого берега, потом левого, но, понеся большие потери, мы ничего сделать не смогли.

Вероятно, приходил приказ за приказом из Москвы, но мост взорвать

не удавалось. Тогда было принято решение взорвать опоры моста, подойдя к ним по реке. Создали несколько штурмовых групп, провели десятки учений, но четыре штурмовые группы, даже не дойдя до опор, погибли в воде.

Река была бурная, вода стремительно неслась вперед, ворочая камни, ударяясь о скальные завалы. При этом температура воды была, вероятно, 3 - 4 градуса.

Пятой штурмовой группой была моя, я был старшим. Командование понимало, что подорвать опоры, подойдя по реке, невозможно, но нас все равно послали.

В группе нас было пятеро: Сомов, русоволосый колхозник из-под Костромы; грузин Сванидзе, красивый, подвижный и добродушный; эстонец Карл, носивший почему-то русскую фамилию Хохлов, всегда угрюмый, молчаливый, но добрый и отзывчивый на чужую беду; Стогов, учитель из Коврова, и я, москвич. Не удивляйтесь обилию подробностей – взрыв моста стал поворотным моментом в моей жизни.

Подойти к мосту по берегу можно было не ближе чем на 100-120 метров, дальше уже располагались ДОТы и все было оцеплено колючей проволокой. Вышло нас с базы десять человек – бойцы несли наше снаряжение: взрывчатку, бикфордов шнур, взрыватели, упакованные в непромокаемые мешки; наша группа шла налегке. Шли горными тропами. Дул пронизывающий ледяной ветер. Река ревела, шумели бьющиеся друг о друга камни, и даже в эту темную ночь были видны отблески водяных гребней и волн. Глубина реки, по данным разведки, не превышала полутора–двух метров, но весь путь надо было пройти в стремительно текущей воде, сбивающей с ног, ворочающей камни, образующей бесчисленные водовороты и при этом нестерпимо холодной.

Дошли до места, бойцы сложили наши вещи, и мы стали раздеваться, снимая теплую одежду; остались в черных майках, штанах и легких ботинках, подвязав их проволокой к ногам. Прикрепили непромокаемые мешки и начали входить в реку.

Первым входил Сомов, молча поклонился на четыре стороны и бросился в реку; вторым – эстонец Хохлов, деловито осмотрелся, словно раздумывая о чем-то, постоял две-три секунды и медленно сошел в воду, сказав: “Прощайте, товарищи!” Стогов, проходя мимо меня, выругался, длинно и вычурно, и сказал: “Пошли, командир, смерть это, верняк!”

Четвертым был Сванидзе, он подошел к воде, трижды перекрестился и что-то сказал по-грузински.

Замыкающим вошел я – вода мгновенно обожгла тело. Провалившись в яму почти по горло, был вытолкнут течением и ударился о камни. Холод сжал тело, парализовал руки, ноги, дыхание словно остановилось. Плыть или сопротивляться течению было невозможно – оно швыряло, било, бросало на камни.

<http://topwar.ru/13746-oruzhie-razvedchika-smelost-hitrost-vnezapnost.html>

И вдруг молитвы, выученные когда-то с тетей Нюшей, мгновенно возникли в памяти. Я знал, да все мы знали, что 120 метров с мешками взрывчатки нам до средней опоры не пройти, мы обязательно погибнем, как погибли шедшие до нас группы. И, понимая это, я стал молиться Матери Божией: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице, но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти, Радуйся, Невесто Невестная!» И: «Господи, Иисусе Христе, не остави нас, грешных». Борясь с течением, я все делал автоматически, повторяя беспрерывно молитвы; и в остальной своей жизни не одну тысячу раз повторял и повторяю эти молитвы.

<http://anti-fashizm.narod.ru/fashisty-i-nacisty-.html>

Мы не плыли, нас несла вода, била о камни, холод сковывал тело, но, когда я стал молиться, страх и беспомощность отошли от меня. Молился я не о спасении наших жизней – мы знали, что не дойдем до опор моста и погибнем – я, маловерующий (тогда) человек, молился, чтобы Господь принял наши души. Течение несло вперед, мы взбирались на скользкие обломки скал, тащили взрывчатку, проваливались в ямы.

Впереди меня шел Сванидзе, мы помогали, как могли, друг другу. Были пройдены первые несколько десятков метров, и вдруг около меня появился Сомов, шедший первым. Кажется, он крикнул: “Прощайте!” – и ушел под воду. Было приказано двигаться только вперед и не спасать погибающего, но мы все же попытались, но это было бесцельно. Прошли еще десятка два метров, и Карл Хохлов сказал: “Все, командир! Возьми взрывчатку, свело ноги, тону!”

Нас осталось трое – Стогов, Сванидзе и я. Что мы делали, когда течение бросало нас на камни и било о них – не помню, я только молился; холод и боль во всем теле словно покрывались молитвой к Божией Матери.

Мы трое еще были живы и находились уже в 10–12 метрах от центральной опоры моста.

Избитые о камни, окоченевшие, потерявшие от боли и холода все силы, взобрались на скалы, выступавшие из воды, но от ледяного ветра сползли в воду.

Казалось, опора была рядом, но немцы, опасаясь взрыва моста, по воде натянули на тросах сетку; деревья, принесенные рекой, создали настоящий завал, который необходимо было преодолеть. Не буду рассказывать, как мы это сделали, но подобрался к натянутой сетке – надо было нырять под нее. Беспрерывно молился Пресвятой Богородице и Господу Иисусу Христу, только это и заставляло сейчас меня жить. Первым под сетку нырнул я, Сванидзе стал передавать мешки со взрывчаткой. Стогов, держась за плавающие деревья, вдруг захохотал и исчез под водой. Нас осталось двое. Сванидзе нырнул под сетку, мы выползли на скользкое основание, на котором стояла средняя опора.

Обессиленные и замерзающие, лежали на ледяном грунте. Ни я, ни Сванидзе ничего не говорили друг другу, мы подползли к опоре и стали укладывать мешки со взрывчаткой около нее. Но вдруг луч прожектора медленно пополз над мостом, спустился вниз, к опорам, задержался и опять ушел вверх. Так повторилось несколько раз. Мы распластались около опоры, луч прожектора опять опустил, и очередь крупнокалиберного пулемета ударила в скальное основание, это продолжалось секунд 15–20. Луч прожектора ушел, пулемет замолчал. Возможно, немцы заметили что-то неладное, а, может быть, это была очередная проверка. Я продолжал молиться и укладывал со Сванидзе взрывчатку. Время от времени луч прожектора опять вползал на скальное основание, а пулемет продолжал обстреливать пространство около опоры.

Последние силы и последний запас тепла, сохранившиеся в теле, уходили; руки не гнулись, ноги не действовали, я лежал и молился. Надо было достать взрыватели, они висели у меня на шее в мешочке, но руки не поднимались.

Сванидзе лежал на обледенелом основании. “Господи, Иисусе Христе, помилуй! Не остави нас, грешных! Пресвятая Богородица, помилуй нас!” Сванидзе подполз ко мне, нагнулся к моему лицу и сказал: “Ты что, молишься? Давно слышу сквозь шум воды, это хорошо, я тоже все время молился, Бога призывал”, – сказал и затих. Я подполз к опоре, после сказанных Сванидзе слов меня что-то словно толкнуло и дало силы – сорвал с шеи пакет со взрывателями, установил их, упал, и в это мгновение луч прожектора осветил основание опоры, камни, берег, и пулемет очередь за очередью начал бить по скальному основанию. Прожектора и пулеметы били с правого и левого берега, осколки скалы летели в разные стороны. Трассирующие пули огненными нитями прорезали темноту ночи, то приближаясь, то удаляясь от опоры.

Лучи прожекторов перебегали с берега реки на опоры, скользили по реке и снова возвращались к скальному основанию. Внезапно погасли прожектора, замолкли пулеметы. Сванидзе вскочил, перекрестился широким крестом и, сказав по-русски “С Богом”, – бросился в воду. Опять забили пулеметы, вспыхнули прожектора, осколок камня ударил меня по голове, я потерял сознание.

<http://360tv.ru/news/v-donecke-rodolzhaetsia-soasatelnaia-ooeracia-ooole-vzrvva-na-shahte-14865/>

От режущей боли в спине очнулся и опять начал молиться. Все было готово к взрыву, но отползти от опоры не было сил. Продолжая молить Господа и Матерь Божию, просил принять душу мою. Все, что когда-то говорила и чему учила меня тетя Нюша, пришло и встало в сознании.

Осталось только произвести взрыв. Умолял Господа простить меня, защитить и сохранить мать, отца, сестру и еще и еще раз простить меня за прежнее неверие. Мысль, что сейчас умру, не беспокоила меня; молился

только о спасении души; вдруг, внезапно, возник передо мной о. Павел, крестивший меня и ставший крестным отцом. Строгий и в то же время какой-то лучезарный, стоял он около меня, благословил и четко и властно произнес: “Иди, Константин! Иди! Матерь Божия защитит тебя!”, и я, лежащий на ледяном скальном основании, бездыханный, окоченевший, вдруг поднялся и шагнул в темень ночи, в бушующую реку.

Огромный столб пламени, грохот взрыва потрясли берега, а я оказался за двести метров от моста и держался за ветки деревьев, потом бойцы поста, дежурившие у поворота реки, тащили меня на берег. Лежа на берегу, был еще во власти молитв и слов о. Павла: “Иди, Константин, Матерь Божия защитит тебя!”

Сознание работало, и я, только что умиравший, замерзший и недвижимый, сейчас мог стоять, пока меня одевали в сухое обмундирование, и даже отвечать на вопросы. Там, где был мост, захлебывались пулеметы, бегали по берегам лучи прожекторов, надрывно гудел паровозный свисток. На берегу лежал живой Сванидзе, завернутый в шинель, и мертвый Стогов. Сванидзе тяжело заболел психически, и его месяца через два отправили на большую землю. Всю дорогу я молчал и даже часть пути шёл, но потом силы оставили меня, и партизаны взяли меня на руки.

В 1962 году разыскал Сванидзе, приехал в Грузию. Жил он в деревне, в доме, окруженном садом и виноградником; следы психического заболевания полностью исчезли. Был очень верующим человеком, каждое воскресенье ездил на машине в небольшой городок в церковь.

Какова была наша встреча, Боже мой! Мы, здоровые, сорокапятiletние мужчины, плакали, как дети, что-то пытались вспомнить, сказать, а наши жёны стояли рядом и не знали, что делать. В 1984 году Илья Сванидзе скончался.

А к о. Арсению в 1965 году я приехал первый раз с его духовной дочерью, нашим добрым другом Ниной Павловной, по его благословию написал эти воспоминания...

Вот так я пришел к вере и Господу нашему Иисусу Христу и несказанно полюбил Матерь Божию, чем сейчас и живу».

Источник: книга «Отец Арсений»

<http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1956>

Книга «Отец Арсений» – документальные рассказы о прозорливом старце (прозорливыми называют тех христианских подвижников, которым Бог открывает тайны: прошлое людей (даже сокровенное) и их будущее – ред.), который сидел за веру в сталинских лагерях и его духовных чадах. Книга переведена на несколько языков, издана огромными тиражами, вместе с книгой «Несвятые святые» бьёт все рекорды по популярности. Ее можно найти в книжных магазинах, церковных лавках и Интернете.

